

Л.В. Ланник

**ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ 1918 г.
НА ЗАПАДНЫХ ОКРАИНАХ РОССИИ
(на примере Брянщины)**

Аннотация. Боевые действия на Восточном фронте Первой мировой войны возобновились 18 февраля 1918 г. после разрыва переговоров, но не закончились подписанием Брестского мира. Это привело к распространению зоны первой германской оккупации на ряд территорий, в том числе на те, что признавались частью Советской России, включая земли Брянщины. До сих пор не существует детальной истории кампании 1918 г. на Востоке, что обосновано не только ситуацией с источниками, но и политической конъюнктурой предшествующих этапов развития историографии. Лишь привлечение малоизвестной германской военной литературы и пересмотр ряда традиционных трактовок истории Гражданской войны в России дают возможность хотя бы частично заполнить лауну. После боев между германо-украинскими войсками и красной гвардией в конце марта – середине апреля 1918 г. часть Брянской области оказалась под германской оккупацией, продолжавшейся от шести до девяти месяцев. Географическое положение Брянщины обусловило ее специфику как региона на стыке Советской России и Украины, влияние польского и белорусского факторов. Особенности военно-политической обстановки в рамках Брестской системы международных отношений привели к тому, что контроль именно над этим регионом играл решающую роль для формирования войск РККА на будущем Западном фронте, а также для любых расчетов на будущую ревизию Брестского мира. Германские оккупанты были заинтересованы в прочном контроле над Поднепровьем и Киевом, а украинские националисты – в расширении границ на северо-восток, что приводило к постоянной эскалации напряженности на территории современной Брянщины даже после прекращения активных боевых действий в мае 1918 г.

Ключевые слова: кампания 1918 г.; Восточный фронт; германская интервенция; первая оккупация; Брянщина; Брестский мир.

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук,
доцент, старший научный сотрудник,
Институт Всеобщей истории (ИВИ) РАН, Россия, Москва.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Scopus Author ID: 57211606261

Lannik L.V. The German Intervention of 1918 on the Eastern Boarder of Russia (the Bryansk Region Case)

***Abstract.** The fighting on the Eastern Front of the WWI resumed on February 18, 1918, after the breakdown of the talks, and did not end after the Treaty of Brest-Litovsk was signed. All this resulted in the expansion of the German zone of occupation on a number of territories that the Central Powers acknowledged as belonging to the Soviet Russia, this including the Bryansk area. Until now, the Eastern campaign of 1918 has not received any detailed coverage, which was due not only to the scarcity of sources but also to the political conjuncture characteristic to the previous stages of our historiography. It's only after there came into use some little-known German military literature and a number of traditional interpretations of the history of the Russian Civil War were revised that an opportunity appeared, at least in part, to fill in the lacuna.*

As a consequence of hostilities between the German-Ukrainian troops and the Red Guard army from the late March to the middle of April, 1918, a part of the Bryansk region, for a period of 6–9 months, was occupied by the Germans. The geographical position of the Bryansk region underpinned its importance as a borderland between Soviet Russia and Ukraine, also bringing into play the Polish and Belarusian factors. The characteristic features of the Brest treaty produced a situation in which control over that exact area played a key role both for the international relations and, in perspective, for the formation of the Red Army troops on the future Western front of Russian Civil War. It also nourished hopes for the eventual revision of the Brest Peace Treaty. The German occupants were interested in a lasting control over the Sub-Dnepr region and Kiev, while the Ukrainian nationalists – in expansion their borders to the North East. All this drove escalation of hostilities even after the active phases of the war ended in May of 1918.

***Keywords:** campaign of 1918; the East Front; the German intervention of 1918; the First Occupation; Bryansk region; the Brest peace treaty.*

**Lannik Leontiy Vladimirovich – Candidate
of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher,
Institute of World History of the Russian Academy
of Sciences (IWH RAS). Russia, Moscow.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Scopus Author ID: 57211606261**

Брянская область – один из немногих регионов России в современных ее границах, который за XX в. пережил сразу две германских оккупации. Если вторая из них, в 1941–1943 гг., всегда привлекала огромное внимание, став важнейшей частью современного исторического сознания граждан РФ, то первая, в 1918 г., оказалась прочно забыта даже там, где она имела место, в том числе на Брянщине. Причины этому следует искать не только в масштабах, затмившей Первую, Второй мировой войны, но и в общей специфике рассмотрения событий 1917–1922 гг. в нашей стране и на всей территории распавшихся в начале XX в. империй.

Вопреки устоявшемуся и зачастую априорному мнению о том, что большевистский переворот, а затем Брестский мир положили конец существованию Восточного фронта Первой мировой войны, следует констатировать, что кампания 1918 г. на Востоке состоялась как для Центральных держав, так и для Антанты. Во многом ее содержание сводилось к «принуждению к миру» Советской России в ходе операции «Фаустшлаг», начавшейся 18 февраля 1918 г., а также к имплементации целой серии подписанных на Востоке мирных договоров (в том числе обоих Брестских, Берлинского с Финляндией и Бухарестского с Румынией и др.). Доказательством того, что Восточный фронт продолжал существовать не только до подписания, но даже и после ратификации Брестского мира Советской Россией в середине марта, служат широкомасштабные боевые действия войск Центральных держав в течение по меньшей мере еще двух месяцев (до 12 мая), а также отдельные операции и вспышки конфликтов в различных регионах бывшей Российской империи на протяжении всего периода официального действия Брестского мирного договора (денонсирован частично 20 сентября, аннулирован ВЦИКом 13 ноября 1918 г.). Показательно и сохранение высших командных структур германской армии на Востоке и задействование крупных ее сил на якобы уже не актуальном театре военных действий даже в разгар решающей кампании на Западном фронте. Логика продолжавшейся и вышедшей в стадию кульминации Великой войны нередко диктовала ход событий Гражданской войны на развалинах Российской империи куда более чем локальные социальные и / или национальные конфликты. Требования схватки за мировое господство оказались и для Четверного союза, и для Антанты, а порой и для большевиков важнее любых деклараций, лозунгов (в том числе о замене империалистической войны гражданской) и межгосударственных соглашений. Судьба Брянщины в марте 1918 – январе 1919 г. – одно из ярких тому подтверждений.

Подписание, а особенно быстрая ратификация Брестского мира от 3 марта обеими сторонами способствовали прекращению наступления германских армий на участке фронта от Финского залива до среднего Поднепровья в районе Могилева, занятого сначала частями польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого, а затем германскими войсками 5–7 марта 1918 г. Это привело к постепенной стабилизации обстановки и складыванию демаркационной линии к северу от этого города. Однако для прекращения постоянных боестолкновений потребовались еще и многочисленные локальные перемирия и согласование позиций сторон, а затем и нейтральной полосы между ними. С середины марта последовало распределение оккупационных германских войск на занятых территориях к северу от Полесья. Постепенно группировка войск 10-й армии, находившейся в Белоруссии, была ослаблена из-за перебросок на другие направления, и в первую очередь на Западный фронт. Однако ни саму эту армию, ни даже Главнокомандование на Востоке (Обер

Ост) в связи с достигнутым на Востоке «миром» не расформировали ни весной 1918 г., ни вообще за весь период действия Брестского договора. В Советской России заканчивалась демобилизация остатков частей старой армии, в том числе почти полностью рассеявшегося в ходе операции «Фаустшлаг» бывшего Западного фронта. Брянск быстро стал одним из центров управления теми отрядами красных, что отступили из Белоруссии, единоначалие удалось установить далеко не сразу. Последовало формирование Западной завесы войск РККА во главе с военспецом В.Н. Егорьевым [Егорьев 1928; Бобылев 1972; Селиванов 1972; Стрекалов 2001], продвигавшееся вплоть до серьезных неудач красных на фронте в Поволжье, а также на Севере в августе-сентябре 1918 г. достаточно успешно. В Брянске расположился штаб относительно боеспособной 2-й Орловской дивизии, авиаотряд и ряд других частей, упорной обороны его долгое время не планировалось. В случае возобновления советско-германской войны завесу намерены были отводить с Брянщины к Сухиничам (см., в том числе, схему обороны: [Егорьев 1928, с. 231–233, 238]).

Расположенная далее к югу территория современной Брянской (а также Курской, Белгородской, Воронежской) области в зону стабилизации советско-германского фронта не попала. Исходя из ее стратегического положения – кратчайшего пути между узловыми станциями и магистралями в Белоруссии и Донбассом – Брянщина была обречена на оккупацию вне зависимости от формальных целей «Фаустшлага», тем более что границы Советской России были пока не определены, не соблюдаясь оккупантами и на ряде других направлений: под Псковом, в Крыму, на Дону, на Таманском полуострове. Каждый из прилегающих к демаркационной линии 1918 г. регионов обладал заметной спецификой в расстановке сил, а потому нуждается в соответствующих исследованиях на сохранившихся местных материалах. С германской точки зрения общая логика происходившего укладывалась в становление нового устройства Восточной Европы, оформлявшегося на постимперских пространствах в Брестскую систему международных отношений [Ланник 2020, с. 33–70].

Создание стабильно действовавшей системы использования ресурсов оккупированного Востока должно было подкрепляться и правовым оформлением новых рубежей, созданных исключительно по военно-экономическим соображениям в ходе германского вторжения. Поэтому оккупанты были заинтересованы не столько во все новых захватах, сколько в детальном оформлении оккупированного явочным порядком при крайне сомнительных международно-правовых к тому основаниях. Последними выступали так называемые «призывы о помощи» от потенциальных сателлитов Германии. Относительно территории нынешней Брянщины могли иметь в виду притязания УНР (на что Центральные державы согласились еще в договоре от 9 февраля),

а также и потенциальной БНР (но ее декларация независимости в Минске 25 марта ни малейшей поддержки у оккупантов не встретила). В современной белорусской историографии принято придавать последней, с характерным оттенком виктимности, значение «первого опыта белорусской государственности» [Грицкевич 2010, с. 45–51; Чернякевич 2018], однако на реалии и логику первой германской оккупации фантомное существование БНР воздействия не оказало. Куда более важным фактором обстановки в Белоруссии и на сопредельных территориях вплоть до их силового разоружения в середине мая 1918 г. была группировка польских войск из пошедшего на взаимодействие с кайзеровскими войсками 1-го Польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого (помимо польской историографии см.: [Ланник 2020, с. 239–241]). Характерно, что будучи не заинтересованы в расширении зоны, контролируемой польскими войсками, а также опасаясь вспышки активных боевых действий между РККА (и красными партизанами) и солдатами Польского корпуса, либо не желая перехода последних на советскую территорию германское командование не допустило войска «союзников» за Днепр. Будущее вторжение на территорию Стародубщины и части Орловской губернии должны были осуществлять исключительно кайзеровские войска. Лишь на части территории допускалась некоторая поддержка сторонников УНР, слабевшая с каждым днем из-за конфликтов в связи с реквизициями.

Оккупация Брянщины, так же как и Белоруссии, оказалась, в отличие от соседней Украины, почти исключительно германской. Австро-венгерская зона была значительно южнее, украинские части и отряды существенной роли в оттеснении большевистских войск не играли, их роль нарастала лишь с конца лета 1918 г. Восстановить детально ход боевых действий во время вторжения германских войск на Брянщину и последующей оккупации западной и южной ее частей по советским источникам оказывается достаточно сложно. Официальная советская историография обращалась к данному сюжету лишь периодически и в пропагандистских целях, избегая освещения невыгодных для нее эпизодов советско-германских отношений в 1918 г. Изучение массы столкновений порой основывалось на сомнительной достоверности газетных сведений и почти эпических рассказах об успехах партизан. Становление и развитие Западной завесы войск РККА также было долгое время не в приоритете у занятых основными фронтами Гражданской войны историков в нашей стране, так что ситуация стала меняться лишь к концу советского периода (см., напр.: [Егоров 1989]). Сказывалась не только мифологизация ряда действующих лиц, но и попытки забвения ряда военных деятелей в связи с позднейшими репрессиями. Реабилитация далеко не всегда сопровождалась действительно необходимым исследованием прежних зон умолчания в сложившейся при Сталине концепции. Необходимых крупных краеведческих исследований по истории первой германской оккупации на Брянщине,

насколько известно автору, нет до сих пор. Серия работ Ю.П. Соловьева пока ограничивается концом 1917 г., однако это позволяет надеяться на переход и к интересующей нас теме. Некоторую информацию удалось получить лишь из работ Р.И. Перекрестова, касающихся округа Клинцов [Перекрестов 2012, с. 430–433]. Аналогичные исследования, посвященные соседним регионам, на событиях германской интервенции почти не концентрируются (см., напр.: [Емельянов, Зорин, Шпилев 2013]). Ряд статей советских авторов вряд ли могут раскрыть данную тему даже по объему, не говоря об общей тональности [Колосов 1968; Садыков 1970].

Ситуация в германской историографии оказывается еще более сложной. В межвоенный период Восточный фронт Великой войны неуклонно вытеснялся из исторической памяти и научных приоритетов Западным, а после Второй мировой войны шансов на исправление этого перекоса и вовсе не осталось. Кампания на Восточном фронте в 1918 г. давала немало поводов к дискуссиям, однако по-настоящему масштабной версии событий создано не было. Из действий в ходе операции «Фаустшлаг» против Советской России было разобрано и описано («по горячим следам» и со всеми вытекающими последствиями) только наступление в Прибалтике [Kaupisch 1918]. Позже последовало сравнительно профессиональное описание кампании в Финляндии [Henke, Liesner 1932], а также краткое (и далеко не полное) описание вывода оккупационных войск в конце 1918 – начале 1919 г. [Darstellungen 1936]. Выходившая в Германии мемуаристика и лейтенантская проза Востоку уделяли не так много внимания, а среди опубликованных воспоминаний подавляющее большинство касались событий на Украине, в Крыму и на Дону (см., напр.: [Украина 2018]). Представители высшего командного состава оккупационных войск на Востоке порой и вовсе не оставили мемуаров именно о кампании 1918 г., либо не считая эту часть своей карьеры достойной памяти потомков, либо не успев осветить в своих воспоминаниях это к моменту кончины (как, например, командующий оккупировавшей Белоруссию 10-й германской армией Э. фон Фалькенгайн). В немногочисленных биографиях военачальников данный период их карьеры описывался поэтому непропорционально скупно [Afflerbach 1994, S. 486–492].

Гибель подавляющего большинства фондов Военного архива в Потсдаме в апреле 1945 г., где находились все документы прусских частей и высших штабов, а также рассеяние уцелевших документов по разным странам и коллекциям, казалось, поставили крест на перспективах данного направления работы. Фонды штабов различного уровня (от групп армий до бригадного и полкового), особенно прусского контингента, составлявшего в кайзеровской армии большинство, оказались уничтожены. От документации, оккупировавших окрестности Гомеля, Новгород-Северского и Стародуба войск в составе 41-го резервного корпуса, остались лишь несколько страниц документов и

микрофильмированная в плохом качестве коллекция карт (см.: [Bundesarchiv]). Сохранившиеся подшивки фронтовых газет с учетом их цензурирования являются слишком сомнительным по достоверности и как правило неполным или неоригинальным источником. Это касается как германской, так и советской, украинской и др. прессы. В последующие годы некоторые успехи были достигнуты лишь в контексте изучения в ГДР «влияния Великого Октября на Германию». В Восточной Германии был опубликован ряд уникальных и не вполне востребованных историографией ФРГ источников (об общих тенденциях см.: [Ланник 2019]). Однако в этих работах никогда не стремились к воссозданию боевых действий и оккупационных будней за пределами эффектов революционного разложения кайзеровских войск. Всплеск интереса в том числе к восточной политике Германии в 1918 г. на волне дискуссий о тезисах Ф. Фишера [Фишер 2017] увенчался созданием серии трудов и публикаций источников В. Баумгарта (см., напр.: [Von Brest-Litovsk 1971]), которые и спустя полвека остаются непревзойденными по качеству комментирования и масштабу анализа Ostpolitik. Впрочем, даже главная работа этого специалиста до сих пор не переведена ни на русский, ни на английский языки [Baumgart 1966].

После воссоединения Германии и в ходе последовательного пополнения хранилищ Военного архива во Фрайбурге наметились определенные надежды на хотя бы частичную реконструкцию событий в германских войсках на Востоке в 1918 г., но отдельные находки всегда носят фрагментарный и почти случайный характер. В такой ситуации едва ли не единственным шансом стал критический анализ выпускавшихся в межвоенное время германских полковых историй, многие из которых сохранились, несмотря на малотиражность и разное качество. Установить точный состав оккупировавших именно Брянщину германских войск непросто, в том числе в связи с активной ротацией оккупационных войск, а также в связи с проводящимися в течение всей кампании активными перебросками сил на другие участки фронта, в основном на Западный. С учетом далеко не элитного состава германских дивизий на Востоке в разгар решающей кампании на Западе на территории Брянщины оказались преимущественно ландверные, а то и ландштурменные части. Проект создания полковых историй для всех частей бывшей кайзеровской армии был к началу Второй мировой войны далеко не окончен (хотя вышло не менее 1000 наименований литературы). Первыми такой чести удостоились главным образом кадровые и резервные части, в то время как поддержание памяти о боевых свершениях ландвера и ландштурма оставалось как правило уделом энтузиастов. Это наложило существенный отпечаток и на качество изданных полковых историй, и на полноту охвата ими частей, некогда оккупировавших территории Брянской области. Лишь по счастливой случайности все три ландверных пехотных полка ландверной дивизии, оккупировавшей Брянщину

(100-й, 104-й и 106-й), имеют изданные полковые истории [Sauer 1923; Pfaff 1925; Fritsche 1925]. Кроме того, обрывочные сведения можно почерпнуть и из истории 20-го (2-го саксонского) гусарского полка, один из эскадронов которого был придан дивизии [Planitz 1932]. Поспособствовала этому также более тщательная работа над историями воинских частей, сформированных в малых германских государствах (в данном случае Саксонии) по сравнению с не успевшей обработать огромный объем своей недавней военной истории Пруссии. Для сравнения: все три пехотных полка, стоявшей на Гомельщине 35-й прусской резервной дивизии (420-й, 421-й и 438-й), этого так и не удостоились (в том числе из-за отсутствия части их архивов, оставшихся на перешедших Польше территориях провинции Позен). Поэтому ход событий в этом регионе, также критически важный для избранной темы, восстановить крайне сложно. Некоторые сведения можно почерпнуть из полковых историй частей других дивизий, однако такие находки почти всегда носят случайный характер. Имеющие для данной темы важнейшее значение полковые истории саксонского ландвера были опубликованы еще в середине 1920-х годов, когда этот жанр лишь набирал обороты, а издания носили почти любительский характер. Это сказывается и на объеме, и на точности изложения, и на учете потерь. Ценны эти полковые истории мемуарными свидетельствами, иногда включаемыми в книгу волею составителя. С учетом подобной историографической ситуации и на фоне почти критического положения с источниками возможно дать лишь сравнительно краткий обзор хода оккупации кайзеровскими войсками Брянщины в 1918 г., а также их последующего перераспределения.

Вплоть до взятия интервентами Киева и Гомеля 1–2 марта 1918 г. наступление в Полесье (и в целом в правобережье Днепра) германских войск развивалось почти без осложнений, однако возобновление его после перегруппировки сил во второй декаде марта столкнулось с некоторыми трудностями. Определенная поддержка местных сторонников Рады (или ярых противников большевиков, заявивших о ее поддержке) позволила быстро установить контроль над Черниговом, однако и на этом направлении сопротивление красных стало крепнуть. Разгоревшиеся в середине марта бои под важным железнодорожным узлом Бахмач, где готовились к вывозу на восток части Чехословацкого корпуса, а затем и на полтавском направлении подчеркнули необходимость овладения оставшейся частью Черниговской губернии, в том числе Стародубщиной, что позволяло более коротким путем перевести на Слобожанщину теперь уже излишние в Белоруссии войска.

Знаковым стало расформирование армейской группы Гронау 27 марта 1918 г., основные силы которой (41-й резервный корпус) продолжили наступление на юго-восток, оставив в Белоруссии лишь незначительные гарнизоны. Это решение было принято на фоне закулисной борьбы командира 1-го

армейского корпуса генерал-лейтенанта В. Грёнера, вскоре ставшего начальником штаба группы армий «Киев», против его командующего престарелого генерал-фельдмаршала А. Линзингена. Последний упорно противился усилению вверенной Грёнеру группировки, которая вела бои на полтавском и харьковском направлениях. Связи генерал-лейтенанта в германской Ставке обеспечили направление ему в подкрепление 224-й пехотной дивизии [Von Brest-Litovsk 1971, S. 305, 312, 327], а Линзинген вскоре (29–31 марта) получил новое назначение подальше от Востока, командующим столичным военным округом. Благодаря настойчивости Грёнера германская группировка на брянском направлении была явно ослаблена. Это означало, что активного наступления на северо-восток не будет, а состав оккупационных войск в регионе постепенно сократится до минимума. Одним из следствий постепенного упрощения структуры оккупационных войск стало постепенное прекращение выпуска собственной газеты этого соединения «Feldzeitung der Armee-Abteilung Gronau», подшивка которой сохранилась и оцифрована, но затрагивает лишь часть интересующего нас периода и из-за военной цензуры содержит мало эксклюзивного материала.

Между тем и на второстепенных к концу марта направлениях продолжались бои, обычно упоминавшиеся в лучшем случае в не сохранившихся ныне боевых журналах батальонного и эскадронного уровня. К востоку от Гомеля в последние дни марта шли столь упорные стычки, например под деревней Марьино, что понадобилась серьезная акция возмездия в деревнях Дубовый Луг и Ветка. С обеих сторон в бою участвовали многочисленные пулеметы и артиллерия. О невысокой степени достоверности имеющихся в распоряжении германских источников говорит то, что эти события были удостоены крайне немногословного описания в полковых историях. В них утверждается, что в деревнях Прерость (?) и Корма были уничтожены лишь пара патрулей, над телами убитых надругались, но в ходе карательных экспедиций к 1 апреля большевики были рассеяны [Sauer 1923, S. 85–87]. В истории 106-го ландверного полка бои за Марьино описаны более подробно, заявлено о по меньшей мере четырех убитых и семи раненых. Оккупанты были вынуждены обороняться, но красные 30 марта отказались от дальнейших атак [Fritsche 1925, S. 153–154]. В германских журналах боевых действий все чаще отмечалось, что большевики не просто хорошо вооружены, но и достаточно обучены и дисциплинированы, хотя выдержать атаку германской пехоты не могут. Вспышки боевых действий предоставили для захвата очередных территорий Советской России вполне достаточный повод.

Германское командование с трудом сдерживало территориальные амбиции правительства УНР, воодушевленного быстрым ростом украинских Вооруженных сил за счет внезапного перехода на сторону независимой Украины ряда местных атаманов. Отношения между «союзниками» постепенно

накалялись, однако очередной громкий успех – взятие 8 апреля Харькова – заставил поторопиться с оформлением удобной демаркационной линии, в том числе на Стародубщине. Войска 47-й ландверной дивизии из 41-го резервного корпуса 9 апреля с боями заняли Новозыбков, где с 16 апреля 1918 г. разместился штаб 47-й ландверной дивизии [Sauer 1923, S. 87–88; Planitz 1932, S. 159–160; Pfaff 1925, S. 43], а 14 апреля – Клинцы [Bundesarchiv, S. 162–164]. Это не доставило интервентам особенного труда, называясь в тогдашних сводках «боями с бандами к северу от Сейма». Завершив захват интересовавшей ее полосы территории, германская сторона стала демонстрировать нежелание дальнейшего продвижения на север и северо-восток, однако продолжение боевых действий и засады в ряде деревень провоцировали к дальнейшим наступательным акциям. Сравнительно регулярная демонстрация силы германскими войсками в апреле, демонстративная подготовка к еще более крупным акциям – с переброской артиллерии к станциям для погрузки и со слухами об отправке на Восток (хотя потом отправляли на Запад) (см., напр.: [Seiffert 1925, S. 90]) – способствовали явной стабилизации демаркационной линии. Все эти мероприятия, включая подрыв патрулями германской кавалерии ведущих на север и восток железных дорог, смогли несколько успокоить обстановку. Новым рубежом на этом направлении должна была стать р. Унеча. Марш некоторых германских частей от Новозыбкова на юго-восток в сторону Новгород-Северского попутно обозначил окончательную линию разграничения. К концу апреля 47-я ландверная дивизия активно осваивалась в окрестностях Новгород-Северского, а также распределяла войска для оккупации Стародубщины. 25 апреля в Новгород-Северский после недолгого артобстрела вступил 104-й ландверный пехотный полк. Между 5 и 10 мая 1918 г. определилась и демаркационная линия под Клинцами [Pfaff 1925, S. 44]. Первый же визит представителей германского посольства в Москве 22 апреля к Г.В. Чичерину и Л.М. Карахану сопровождался демонстрацией на карте реальных пределов продвижения германских войск, чуть ли не «под Брянском» [Riezler 1972, S. 463]. В эти дни германские разъезды действительно постепенно заняли Стародуб и Семеновку, ведя активную разведку в сторону Брянска, но пытаясь не переходить границы Черниговской губернии, т.е. не продвигаться далее Унечи и Почепа [Sauer 1923, S. 124–127]. Рисковать дополнительными потерями в боях за крупные города относительно небольшие германские передовые отряды на основе кавалерии не желали. Окрепшее сопротивление РККА демонстрировало, что взятие Брянска без тщательной подготовки и дополнительных сил невозможно. Существенно расширившаяся в конце апреля – начале мая оккупированная территория требовала не концентрации войск для дальнейшего наступления, а напротив – рассредоточения минимально необходимых сил для контроля над уже занятыми землями. С прибытием германского посольства в Москву темп германо-

советских переговоров существенно возрос, Германии представилась возможность заставить Совнарком смириться со свершившимся фактом оккупации ряда российских территорий.

Стародубщина, части Орловской и Курской губерний были захвачены к середине апреля не столько из-за излишних аппетитов или претензий УНР, а как необходимый оккупантам короткий путь вдоль магистрали из Гомеля в Харьков. Теперь кайзеровские войска заняли широкую полосу, прикрывая узловые станции Бахмач, оставив за собой Новгород-Северский, Сумы и Белгород. Новые «границы» слишком уж совпадали со строившейся в годы Великой войны важнейшей рокадной магистралью Орша – Полтава, лишь у станции Ворожба отклоняясь на восток.

Для определения места региона в оформлявшейся Брестской системе определенную роль, пусть и без изменения базового параметра – оккупации, сыграло бы хотя бы формальное включение Полесья и части Брянщины в УНР / Украинскую державу, что поначалу вызывало надежду на смягчение оккупационного режима и пребывание под «местной» властью. Однако для этого было необходимо стабилизировать политическую обстановку на Украине, а в этом оккупанты столкнулись с серьезными трудностями. Сильнейшее разочарование в темпах обещанных поставок сырья и продовольствия из УНР в Центральные державы привело к острому кризису и государственному перевороту в Киеве, а «дополнительные» хлебородные районы, в том числе Брянщина и округа Белгорода, рассматривались как гарантия наращивания будущего вывоза. С начала мая основные надежды на фиксацию желаемой расстановки сил в регионе оккупанты возлагали не только на гетманское правительство Украины, пришедшее к власти с помощью германских штыков, но и на переговоры между Украинской державой и Советской Россией, которые должны были начаться в ближайшее время.

4 мая Совнарком известил о достижении на станции Коренево соглашения о демаркационной линии с представителями германских (майор фон Розенберг) и украинских войск (см. текст: [Гражданская война 1967, с. 136–137]). На ряде соседних участков дополнительные соглашения о демаркационной линии были заключены в течение следующих двух недель (например, под Клинцами – 10 мая). После указания Верховного главнокомандования сухопутных войск (Oberste Heeresleitung, ОХЛ) от 8 мая о прекращении какого бы то ни было продвижения на северо-восток, к 20 мая удалось прекратить участие германских войск в попытках украинских вооруженных сил расширить границы государства на брянском и курском направлениях. И все же для стабилизации фронта понадобилось и дополнительное распоряжение кайзера от 28 мая, что подчеркивалось даже официальной германской версией истории Великой войны [Reichsarchiv 1944, S. 388]. Сказывалось и окрепшее сопротивление большевиков, порой успешно дававших отпор сравнительно

крупным отрядам интервентов. Понимая сомнительные перспективы военного противостояния с большевиками не только без поддержки германской армии, но и вопреки воле оккупационных властей, украинское правительство было вынуждено согласиться на мирные переговоры, призванные установить границу между двумя осколками Российской империи.

На следующие полгода территория нынешней Брянской области оказалась рассечена по модели, знакомой еще с финала Великого отступления Русской армии в кампании 1915 г. Германские войска удержали за собой инфраструктурно важные узлы и постарались избрать достаточно экономичную линию фронта, минимизируя количество войск, необходимое для наблюдения за любой активностью большевиков. В начале мая 1918 г. никакой военной угрозы от Советской России оккупанты не ощущали, полагая свои силы достаточными для любого развития событий, включая возобновление быстрого наступления на Москву. Западная завеса РККА лишь вступала в период активного и непростого формирования регулярных частей, крайне нуждаясь в сохранении за собой в качестве опорных пунктов Смоленска и Брянска. Последний стал краеугольным камнем во всех последующих усилиях большевиков по удержанию и усилению своего влияния на Украине. Это было сопряжено с определенным риском эскалации и возобновления открытого военного конфликта не столько с гетманским правительством, сколько с по-прежнему обладавшими качественным и количественным превосходством кайзеровскими войсками. Балансирование на грани войны вокруг ревизии Брестского варианта переустройства бывшей Российской империи стало содержанием первой германской оккупации Брянщины, продолжавшейся еще около восьми месяцев. К букве мирного договора от 3 марта 1918 г. данные события не имели никакого отношения.

Библиография

Бобылев П.И. К истории создания Западного фронта (март 1918 г. – февраль 1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1972. № 3. С. 32–40.

Гражданская война на Украине 1918–1920 гг.: сб. документов и материалов: 3 кн., 4 т. Киев: Наукова думка, 1967. Кн. 1. Т. 1: Освободительная война украинского народа против немецко-австрийских оккупантов. Разгром буржуазно-националистической Директории. 875 с.

Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. 494 с.

Егоров Н.Д. Создание и деятельность войск Завесы обороны в 1918 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

Егорьев В. Из жизни Западной завесы // Гражданская война 1918–1921 / под ред. А.С. Бубнова: в 3 т. М.: Военный вестник, 1928. Т. 1: Боевая жизнь Красной Армии. С. 231–245.

Емельянов С.Н., Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг.: очерк военно-политической истории. Курск: Полстар, 2013. 527 с.

Колосов Ю.Б. В борьбе с немецкими оккупантами в 1918 году // За родную землю: сб. статей. Брянск: [Приок. кн. изд-во. Брян. отд-ние], 1968. С. 85–96.

Ланник Л.В. От воссоединения страны – к объединению историографии. Итоги и проблемы интеграции достижений исторической науки ФРГ и ГДР на примере исследований о Первой мировой войне и ее последствиях // Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия. 1990–2020: мат. Межд. науч. конференции / под ред. Н.Э. Вашкау, Б.В. Петелина. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. Семенова-Тянь-Шанского, 2019. С. 33–45.

Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.

Перекрестов Р.И. Посад Ардонь и село Богородицкое XVIII – начало XX в.: в 2 кн. Клинец: Клинцовская городская типография, 2012. Кн. 2. 478 с.

Садыков К.Ф. О военно-стратегической роли Брянского направления Западной завесы в период действия Брестского мирного договора // Ученые записки Удмуртского пед. ин-та. 1970. Вып. 21. С. 161–189.

Селиванов П. Создание западного участка отрядов завесы // Военно-исторический журнал. 1972. № 1. С. 30–35.

Стрекалов И.И. Создание войск завесы (февраль–май 1918 г.): Исторический очерк. М.: Московский гос. ун-т леса, 2001. 28 с.

Украина – 1918. Взгляд из Германии / пер. с нем. и ком. Л.В. Ланника. М.: Посев, 2018. 332 с.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем., ком. и пред. Л.В. Ланника. М.: РОССПЭН, 2017. 676 с.

Чернякевич А.Н. БНР. Триумф побежденных: (история создания Белорусской Народной Республики). Минск: А.Н. Янушкевич, 2018. 302 с.

Afflerbach H. Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München: Oldenburg Verlag, 1994. XII, 586 S. (Beiträge zur Militärgeschichte. Bd. 42).

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenburg Verlag, 1966. 420 S.

Bundesarchiv – Militärarchiv (BA-MA). PH 6-II/16–18.

Darstellungen aus Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps: 8 Bde. Bd. 1: Rückführung des Ostheeres. Berlin: Mittler, 1936. 194 S.

Fritsche M. Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. Dresden: Baensch Stiftung, 1925. VIII, 224, [55] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 28).

Henke K., Liesner G. Um Finnlands Freiheit. Berlin: Kolk, 1932. 189 S.

Kaupisch H. Die Befreiung von Livland und Estland (18. Febr. bis 5. März). Oldenburg: Stalling, 1918. 88 S.

Pfaff F. Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 104. Dresden: Baensch Stiftung, 1925. IX, 71, [35] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 23).

Planitz K.E., v. Das 3. Königliche Sächsische Husaren-Regiment Nr. 20. Bautzen: E.E. Bernhardt, 1932. 215, [33] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 67).

Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 766 S.

Sauer K.W. Das Königlich Sächsische Grenadier-Landwehr-Regiment Nr. 100. Dresden: Baensch Stiftung, 1923. VIII, 136 S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 10).

Seiffert W. Kriegererlebnisse des Reserve-Feldartillerie Regiments Nr. 67. Oldenburg: Stalling, 1925. 111, [25] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 151).

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution: Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 750 S. (Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts. Bd. 47).

References

Afflerbach H. Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München: Oldenburg Verlag, 1994. XII, 586 S. (Beiträge zur Militärgeschichte. Bd. 42).

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenburg Verlag, 1966. 420 S.

Bobylev S.I. K istorii sozdaniya Zapadnogo fronta (mart 1918 g. – fevral 1919 g.) [On the history of the creation of the Western Front (March 1918 – February 1919)]. Voenno-istoricheskij zhurnal [Military History Journal]. 1972. N 3. P. 32–40 (In Russ.)

Bundesarchiv – Militärarchiv (BA-MA). PH 6-II/16–18.

Chernyakevich A.N. BNR. Triumf pobezhdeniyh: (istoriya sozdaniya Belorusskoj Narodnoj Respubliki) [Triumph of the vanquished: (history of the creation of the Belarusian People's Republic)]. Minsk: A.N. Yanushkevich, 2018. 302 p. (In Russ.)

Darstellungen aus Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps: 8 Bde. Bd. 1: Rückführung des Ostheeres. Berlin: Mittler, 1936. 194 S.

Egor'ev V. Iz zhizni Zapadnoj zavesy [From the life of the Western Veil]. Grazhdanskaya vojna 1918–1921 [Civil War 1918–1921]. Ed. by A.S. Bubnova: 3 vol. Moscow: Voennyj vestnik, 1928. T. 1: Boevaya zhizn' Krasnoj Armii [The fighting life of the Red Army]. P. 231–245. (In Russ.)

Egorov N.D. Sozdanie i deyatel'nost' vojsk Zavesy oborony v 1918 g. [The creation and activities of the troops of the Veil of Defense in 1918]: dis. abstract... Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1989. (In Russ.)

Emel'yanov S.N., Zorin A.V., Shpilev A.G. Kurskij kraj v Grazhdanskoj vojne 1917–1921 gg.: ocherk voenno-politicheskoy istorii [Kursk Territory in the Civil War of 1917–1921: essay on military-political history]. Kursk: Polstar, 2013. 527 p. (In Russ.)

Fritsche M. Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 106. Dresden: Baensch Stiftung, 1925. VIII, 224, [55] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 28).

Grazhdanskaya vojna na Ukraine 1918–1920 gg. [Civil war in Ukraine 1918–1920]: collection of documents and materials: 3 books, 4 vol. Kiev: Naukova dumka, 1967. B. 1. V. 1: Osvoboditel'naya vojna ukrainkogo naroda protiv nemecko-avstrijskih okkupantov [The liberation war of the Ukrainian people against the German-Austrian invaders], 875 p. (In Russ.)

Grickevich A.S. Zapadnyj front RSFSR 1918–1920. Bor'ba mezhdru Rossiej i Pol'shej za Belorussiyu [The Western Front of the RSFSR 1918–1920. The struggle between Russia and Poland for Belarus]. Minsk: Kharvest, 2010. 494 p. (In Russ.)

Henke K., Liesner G. Um Finnlands Freiheit. Berlin: Kolk, 1932. 189 S.

Kaupisch H. Die Befreiung von Livland und Estland (18. Febr. bis 5. März). Oldenburg: Stalling, 1918. 88 S.

Kolosov Yu.B. V bor'be s nemeckimi okkupantami v 1918 godu [In the fight against the German invaders in 1918]. Za rodnuyu zemly [For the native land]: Digest of articles. Bryansk: Prioksky book publishing house. Bryansk branch, 1968. P. 85–96. (In Russ.)

Lannik L.V. Ot vossoedineniya strany – k ob"edineniyu istoriografii. Itogi i problemy integracii dostizhenij istoricheskoy nauki FRG i GDR na primere issledovanij o Pervoj mirovoj vojne i ee posledstviyah [From the reunification of the country to the unification of historiography. Results and problems of the integration of the achievements of historical science in FRG and the GDR by the

example of research on the First World War and its consequences]. *Mezhdunarodnyj dialog istorikov. Rossiya i Germaniya: problemy mezhkul'turnogo vzaimodejstviya. 1990–2020* [International dialogue of historians. Russia and Germany: problems of intercultural interaction. 1990–2020]: materials of the International scientific conference. Ed. by N.E. Vashkau, B.V. Petelin. Lipeck: Lipetsk State Pedagogical University named after Semenova-Tyan-Shansky, 2019. P. 33–45. (In Russ.)

Lannik L.V. *Posle Rossijskoj imperii. Germanskaya okkupaciya 1918 g.* [After the Russian Empire. German occupation of 1918]. Saint Petersburg: Eurasia, 2020. 528 p. (In Russ.)

Perekrestov R.I. *Posad Ardon' i selo Bogorodickoe XVIII – nachalo XX v.* [Suburb Ardon and the village of Bogoroditsky XVIII – beginning of XX century]: in 2 books. Klinty: Klinty City Printing House, 2012. Bk. 2. 278 p. (In Russ.)

Pfaff F. *Das Königliche Sächsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 104.* Dresden: Baensch Stiftung, 1925. IX, 71, [35] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 23).

Planitz K.E., v. *Das 3. Königliche Sächsische Husaren-Regiment Nr. 20.* Bautzen: E.E. Bernhardt, 1932. 215, [33] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 67).

Riezler K. *Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 766 S.

Sadykov K.F. *O voenno-strategicheskoi roli Bryanskogo napravleniya Zapadnoj zavesy v period dejstviya Brestskogo mirnogo dogovora* [About the military-strategic role of the Bryansk direction of the Western Veil during the period of the Brest Peace Treaty]. *Uchenye zapiski Udmurtskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Udmurt Pedagogical Institute]. 1970. Part 21. S. 161–189. (In Russ.)

Sauer K.W. *Das Königlich Sächsische Grenadier-Landwehr-Regiment Nr. 100.* Dresden: Baensch Stiftung, 1923. VIII, 136 S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 10).

Seiffert W. *Kriegererlebnisse des Reserve-Feldartillerie Regiments Nr. 67.* Oldenburg: Stalling, 1925. 111, [25] S. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter. Bd. 151).

Selivanov S. *Sozdanie zapadnogo uchastka otryadov zavesy* [Creation of the western section of the units of the veil]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. 1972. N 1. S. 30–35. (In Russ.)

Strekalov I.I. *Sozdanie vojsk zavesy (fevral'-maj 1918 g.): Istoricheskij ocherk* [The creation of the troops of the veil (February – May 1918): Historical outline]. Moscow: Moscow State Forest University, 2001. 28 p. (In Russ.)

Ukraina – 1918. Vzglyad iz Germanii [Ukraine – 1918. A view from Germany]. Translation from German and comments by L.V. Lannik. Moscow: Posev, 2018. 332 p. (In Russ.)

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution: Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 750 S. (Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts. Bd. 47).